ПАВЛОДАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ГАЗЕТА

февраль
4
четверг
2010 год
№12 (17960)
цена свободная

ИЗДАЕТСЯ С 7 АПРЕЛЯ 1918 ГОДА

ЗВЕЗДА ПРИИРТЫШЬЯ

ЭТИХ ЛИСТОВ КАСАЛАСЬ РУКА ПОЭТА...

НЕИЗДАННАЯ КНИГА

С трепетом и болью листаю я эти ветхие, пожелтевшие страницы. Это гранки книги стихов Павла Васильева, которая так и не увидела свет. Здесь много записей и пометок, сделанных рукой Павла. В самом начале сборника вклеен листок с автографом автора:

Я завидовал зверю в лесной норе,
Я завидовал птицам,
летящим в ряд:
Чуять шерстью врага,
иль, плескаясь в заре,
Улетать и кричать,
что вернёшься назад!

Четверостишье подчеркнуто, а под чертой ещё раз написаны слова: "чуять шерстью врага". Сколько трагизма в этих строчках! Какова же была жизнь поэта, если он завидовал зверю, птицам. Какова же была обстановка вокруг, если любой человек, выходя из дома, каждый раз не знал, вернётся ли назад... И как бы хотелось Павлу "чуять шерстью врага", потому что в этом перевернутом мире понять, кто действительно враг, а кто друг, было невозможно. Лучшие люди страны объявлялись "врагами". Те, кто набивался в друзья, предавали при первом удобном случае. Только в природе было то, чего не было в человеческом обществе – естественности, свободы и справедливости (пусть жестокой, но объяснимой). Поведение зверей и птиц всегда можно понять, но безумие государственной машины объяснению не поддавалось...

На обороте этого листочка – обрывочные машинописные строчки:

...далеко
распирало вымя
молоко.
Набивали пену
стремена.
Близко за Тоболом
был... война
.....
Маленькая речка
Биш-Челяг...

Сколько таких строчек, не только недописанных, но и, наверное, готовых стихотворений, затерялось в потоке времени, в путешествиях и арестах Павла. И уже никогда не дойдёт до нас...

А этот сборник стихотворений Павла Васильева, при его жизни дошедший до стадии вёрстки (и в это время запрещённый Главлитом), хранится сейчас в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки, Москва (фонд 784, карт. 3, ед. хр. 3). На титульном листе сборника рукой Павла размашисто написано: "П. Васильев. Стихи". Слово "стихи" синим карандашом дважды подчеркнуто. В левом углу листа чернилами, уже другим почерком: "На литправку". Посредине листа, также чернилами: "В набор, но автор, согласно рецензии, должен (после этого написано и зачеркнуто слово "выправить" - **О.Г.**) переделать отдельные строчки. 5/ V11.33. Сергей Малашкин". В самом низу листа надпись: 2669 строк. 5, 56 авт. л.

Прииртышские станицы
Черлак и Лебяжье.
Прииртышские станицы –
золото закатное,
*Округ Омска, **Павлодара**,*
округ Семьпалатного.

С 29-й страницы в сборнике идут стихи, одни из лучших лирических произведений Павла: "Вся ситцевая, летняя, приснись...", "К портрету", "Я тебя, моя забава...", "Когда-нибудь сощуришь глаз...", "Дорогая, я к тебе приходил..." и другие стихи, а также "Дорога" (отрывок из первой главы поэмы "Большой город"), "Сговор" (отрывок из "Соляного бунта"), поэма "Лето". В ней тоже есть правка, в прекрасных заключительных строчках второй главы. Вот как звучат они сейчас:

Тяжёлый мёд расплёскан в лете,
И каждый дождь –
как с неба весть.
Но хорошо, что горечь есть,
Что есть над чем рыдать
на свете!

В первоначальном варианте было - "от друга весть". Насколько усилила строку (и всё четверостишье) эта правка автора!

Наводит на размышление исправление Павла в стихотворении "Семипалатинск". В гранках четверостишие напечатано так:

Скажи, не могло ль всё это
присниться?
Кто кочевал по этим местам?
Товарищ, скажи мне, какие птицы
С добычей в клюве взлетают там?

Автор зачёркивает слово "товарищ" и пишет **"приятель"**. Почему? Может быть, в качестве протеста - навязло в зубах это "пролетарское обращение", сакральное слово советского обихода? Или, напротив, не захотел он употреблять это "слово гордое - товарищ" в таком незначительном контексте? А может, просто потому, что ранее фигурирует в стихотворении "приятель розовогубый", и Васильев решил не называть его "товарищем"? Ответа мы уже не узнаем...

"Я ПОЙДУ С РЕВОЛЮЦИЕЙ..."

В этой папке вместе с гранками сборника "Стихи" хранится газетная вырезка с надписью от руки «1933» и штампом «Из собрания М.И. Чуванова». Называется статья «Творческий вечер П. Васильева в «Новом мире». Небольшой отрывок из этого анонимного выступления в "Литературной газете" цитировал в своей книге "Русский беркут" Сергей Куняев (Москва, Наш современник, 2001). Но для того, чтобы понять, в какой обстановке жил и работал П. Васильев в то время, стоит прочитать этот материал целиком:

"3 апреля состоялся в «Новом мире» творческий вечер П. Васильева. Талант Васильева уже довольно продолжительное время привлекает к нему обострённое внимание литературных кругов. Но почва, из которой Васильев черпал своё творчество, быт кулацкого семиреченского казачества, придавала его творчеству настолько реакционную окраску, что дальнейший путь этого па Клюева, Клычкова и примыкавшего к ним П. Васильева лила воду на мельницу реакции. «Соляной бунт» представляет собой документ некоторой перестройки, но ещё медленной. П. Васильеву нужно решительно выбрать, с кем он. Его последние стихи создают уверенность, что он выкарабкается.

С. Клычков, не упоминая о творчестве Васильева, безуспешно пытался «опровергнуть» объективный анализ своего творчества рядом выпадов против марксистской критики. Остальным ораторам пришлось, отмечая отход Васильева от группы Клюева-Клычкова, останавливаться на реакционной роли этих последних. «Взвесьте серьёзно то положение, в котором вы оказались, - сказал т. Макарьев. - Сила на нашей стороне, но мы говорим с вами серьёзно, а вы всё не хотите говорить серьёзно. Что ж, Васильев от вас ушёл, а вы оставайтесь».

В своём заключительном слове П. Васильев заявил, что не следует преувеличивать влияния Клычкова на его поэзию, которая по всей своей структуре отличается от творчества Клычкова. То, что Клычков возлагал на меня надежды, - заявил он, - объясняется не его влиянием на меня, а всем тем реакционным, что было в моём собственном творчестве. **Но я клычковских надежд не оправдаю.** В Германии фашисты истязают и убивают коммунистов и рабочих. Внутри нашей страны классовая борьба приняла обострённый характер. **Не выступать в такой момент за революцию - значит идти против неё.** Тогда надо идти в подвал к Клюеву, к его лампадкам и обрастать там вместе с ним мхом. **Я в подвал к Клюеву не пойду,** я пойду с революцией. Я знаю, что словам тут никто не поверит и нельзя верить. **Я постараюсь доказать, что я с революцией - всеми своими произведениями.**

Этого мы и ждём от Васильева."

...Как же ломало людей время, ломал страх. Заставлял отрекаться от друзей и близких. Заставлял писать стихи в угоду властям... Мы всегда жалеем о том, сколько стихотворений Павла не сохранилось. Но вряд ли стоит жалеть, что не сохранилось это - "Враги народа"...

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЧУВАНОВА

На титульном листе книги П. Васильева «Стихи», на самих гранках и на газетной вырезке из «Литературки» отмечено, что эти материалы поступили в рукописный отдел РГБ из коллекции М.И. Чуванова. Дочь поэта Н.П. Васильева-Фурман ошибочно называет его М.И. Чуваловым (в предисловии к книге - П. Васильев, «Подымайся, песня, над судьбой!», Рязань, «Пресса», 2001). Кто же этот человек, сохранивший бесценные листы?

Михаил Иванович Чуванов (1890-1988) – типографский наборщик, впоследствии – заведующий типографиями, библиофил, крупный знаток и собиратель рукописей, книг,

Как мечтал Васильев о своём сборнике стихов! В 1932 была подготовлена книга "Путь на Семиге", но публикация была запрещена. На книгу "Песни" две внутренние издательские рецензии были отрицательными (их написали А. Сурков и Е. Трощенко), она тоже не вышла в свет. Составление борника "Стихи" в 1933 году было последней попыткой Павла издать свою поэтическую книгу...

Эти стихотворения включаются сейчас во все издания, но одно дело читать их в книге, другое – в гранках, с пометками автора. Наглядно видишь, как внимательно и требовательно работал Павел над книгой, как подбирал каждое слово, отслеживал каждую запятую... Порой кажется, что излишне внимательно. Вот, к примеру, в "Песне о гибели казачьего войска", которой открывается книга, в первой строке - "Что ж ты, песня моя, молчишь..." автор добавляет букву "е": "Что **же** ты, песня моя, молчишь...". Кажется, ерунда. Но насколько мягче, певучей, "былинней" становится строка!

В третьей главе Павел поправляет имя мифического персонажа:

Там четыре месяца
В небе куролесятся,
В тумане над речкою
Ходит ***Цыг*** *с уздечкою...*

(В гранках было "Цуг").

В десятой главе Васильев меняет одно слово в строчках:

Поречье, Поречье –
сизый Иртыш,
Голуби слетают с ***высоких*** *крыш!*

(В оригинале было "с синих", но автор вовремя заметил сочетание двух "с").

Не пропустил Павел в двенадцатой главе и типичную для тех времен ошибку (да и для сегодняшних), когда наш город время от времени именуют "Павлоградом". Поэт зачеркивает "град" и пишет - "дар". Хочется ещё раз процитировать эти строки:

Жёлтые пески, зелёные воды
Да гусями белыми пароходы.
Сторонушка степная,
речная, овражья,

одаренного поэта внушал очень серьёзные опасения. Критика, которой по этой линии подверглось творчество Васильева, не прошла для него бесследно. Зачитанная им на вечере первая часть новой поэмы «Соляной бунт» показывает, что Павел Васильев начинает овладевать материалом, который до сих пор всецело владел им, начинает с несколько иной точки зрения смотреть на социальную обстановку, национальный переплёт и быт Семиречья, показывая роль казачества как сторожевых собак торгового капитала и базы колонизаторской политики царского правительства. В заключение Васильев прочёл отрывок из стихотворения «Враги народа», направленного против разоблачённых недавно вредительских организаций.

Поэма и стихи вызвали оживлённые прения, в которых принял участие ряд поэтов и критиков (Б. Пастернак, В. Инбер, С. Клычков, И. Гронский, К. Зелинский, Усиевич, Корабельников, Макарьев и др.).

К. Зелинский, отмечая творческий рост Васильева, указал на опасности, которые продолжают ещё стоять перед поэтом, вследствие зависимости его творчества от быта старой деревни и оставшихся элементов некоторого любования ею. Е. Усиевич указала на некоторые сдвиги, проявившиеся в «Соляном бунте», а также подчеркнула, что стихотворение «Враги народа» является первым серьёзным шагом Васильева по пути перестройки, в том смысле, что им он наконец убирает сходни, соединявшие его до сих пор с кулацкой контрреволюционной поэзией.

Б. Пастернак, говоря об огромном таланте Васильева, выразил уверенность, что крупный поэт не может не пойти в ногу с эпохой.

И. Гронский заявил, что поэт должен воспевать борьбу и дела своего народа. Поэтому группа так называемых «крестьянских поэтов» без всякого основания присваивает себе это название. Крестьянство под руководством пролетариата строит социализм. Груп-

коллекционер книг с автографами русских писателей. Он был старостой старообрядческой общины московского Преображенского храма, членом Русского общества друзей книги, Русского библиографического общества при Московском университете, Русского общества децималистов, Общества «Старая Москва», Общества изучения Московской области, Общества изучения русской усадьбы, Московского клуба экслибристов.

В конце 1970 - начале 1980 годов он передал свою богатейшую коллекцию (около 1000 экземпляров) Ленинке (сейчас Российская Государственная библиотека). Собрание М.И. Чуванова состояло из двух частей: старопечатные издания кирилловской печати XVI-XVII веков и книги по истории и архитектуре Москвы (1763-1978).

Среди книг второй части - экземпляры с автографами, экслибрисами других владельцев, с дарственными надписями как самому М.И. Чуванову, так и другим лицам; экземпляры с вкладками, вклейками (письма, записки, газетные вырезки). К этой части относился и невышедший сборник П. Васильева.

Чуванов был знаком с В. Гиляровским, М. Булгаковым, Ю. Олешей, И. Ильфом, К. Паустовским и многими другими авторами, коллекционерами книг. В его библиотеке находились прижизненные издания А. Белого и М. Цветаевой с автографами поэтов.

Коллекционировал М.И. Чуванов и иконы. Собрание икон XVI-XVII веков, принадлежавшее коллекционеру (около ста), по его завещанию поступило в Музей частных коллекций, созданный по инициативе И.С. Зильберштейна и И.А. Антоновой при Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Чувановское собрание икон экспонируется в залах музея.

Вот такой удивительный человек, настоящий подвижник культуры сохранил для потомков гранки невышедшей книги Павла Васильева.

Ольга ГРИГОРЬЕВА.